

РАЗВОД.

Сними платье моей матери

Арина Вольская

Арина Вольская

**Развод: Сними
Платье Моей Матери!**

«Литнет»

2026

Вольская А.

Развод: Сними Платье Моей Матери! / А. Вольская — «Литнет», 2026

В пятьдесят пять я приехала в квартиру умершей матери раньше, чем должна была. И увидела своего мужа с молодой актрисой. Роман застёгивал на её спине знаменитое серебряное платье моей мамы — Нины Ланской. А потом поцеловал её в плечо. Я ещё не знала самого страшного. Эта женщина не просто любовница моего мужа. Она должна сыграть мою мать в его новом фильме. А Роман совершенно искренне рассчитывает, что после первого потрясения я успокоюсь, прощу его и помогу любовнице правильно смеяться, двигаться и говорить голосом Нины. Ведь мы прожили вместе почти тридцать лет. Ведь я всегда была разумной. Ведь я всегда понимала. Вот только на этот раз он ошибся. Я больше не собираюсь быть удобной женой великого режиссёра, хранительницей его репутации и женщиной, которая молча исправляет последствия чужих решений. Роман хочет забрать себе историю моей матери. Мою семью. Мою прежнюю жизнь. Пусть попробует. Потому что иногда развод — это не конец любви. Иногда это момент, когда женщина наконец возвращает себе собственное имя.

© Вольская А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Сними платье моей матери	5
Глава 2. Пока ты была рядом с ней	22
Глава 3. Папа уже всё объяснил	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Сними платье моей матери

Глава 1. Сними платье моей матери

За восемь месяцев после смерти Нины Ланской её квартира успела приобрести тот особенный запах, который появляется только в жилищах, оставленных человеком навсегда, но ещё не отданных окончательно ни времени, ни новым хозяевам. Пыль здесь была ещё не настоящей, не старческой, не той серой мукой, которая годами копится на шкафах и подоконниках, если никто не открывает окна. Вера приезжала раз в неделю, проветривала комнаты, поливала два упрямых материнских фикуса и почему—то протирала кухонный стол, хотя за ним уже никто не завтракал. Она могла открыть холодильник и выбросить давно просроченную банку горчицы, могла собрать старые журналы возле дивана, могла даже переложить стопку лекарств из ванной в пакет, предназначенный для утилизации, но стоило добраться до спальни, как порядок заканчивался. Там всё оставалось почти так, как было в последние недели жизни Нины: халат на внутреннем крючке шкафа, флакон духов с золотистой крышечкой возле зеркала, книга на тумбочке, очки в жёстком красном футляре и маленькая керамическая тарелочка, куда мать имела привычку складывать серьги перед сном. Вера прекрасно понимала, что однажды всё это придётся разобрать. Просто это «однажды» всякий раз оказывалось не сегодня.

Роман знал об этом лучше любого другого человека. В конце концов, он сам несколько месяцев после похорон обходил материнскую квартиру осторожно, словно боялся потревожить покой хозяйки, которая вот—вот могла вернуться из соседней комнаты и раздражённо спросить, почему все снова разговаривают шёпотом. При Нине он любил бывать здесь. Особенно когда они с Верой только поженились, а собственная квартира была маленькой, съёмной и до такой степени промерзала зимой, что лёд иногда появлялся на внутренней стороне кухонного окна. Нина тогда уже была Ниной Ланской для всей страны, женщиной с лицом на журнальных обложках и голосом, который узнавали даже те, кто не видел ни одного её фильма, но для Романа она довольно быстро стала Ниной Сергеевной, способной выставить его из кухни за попытку подсолить суп без разрешения, а через час попросить прочитать новый сценарий и до двух ночи спорить о какой—нибудь единственной сцене. Позже, когда Роман сам сделался известным режиссёром и перестал смотреть на её награды с мальчишеским благоговением, их споры стали жёстче. Потом они научились друг друга уважать. Во всяком случае, Вера всегда полагала, что научились.

В то утро Роман попросил о фотографии почти между делом. Он стоял у кухонного островка, пил кофе и читал что—то в телефоне, не снимая очков, которые последнее время всё чаще носил по утрам. Вера как раз складывала в сумку тетради двух взрослых учеников, потому что после обеда у неё были занятия в языковом центре, а дома она собиралась появиться только ближе к семи. Роман листал сообщения большим пальцем и выглядел настолько привычно, что Вере даже в голову не пришло всматриваться в его лицо. Седина у висков, тёмная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей, часы на левой руке, маленькое кофейное пятнышко на столешнице, оставленное чашкой. Всё это составляло Романа Ярова не хуже его фильмов, интервью и фотографий с фестивалей. Тридцать лет совместной жизни превращают человека в разновидность домашнего пейзажа: ты знаешь, как он поднимает бровь, когда не согласен, как тяжело ставит пятку после старой травмы колена, в какой момент разговора потянется к переносице, если начинает раздражаться, и какой стороной положит ложку возле чашки. Вера знала всё это настолько хорошо, что необходимость однажды заметить что—нибудь новое давно перестала приходить ей в голову.

— Вер, ты сегодня всё равно будешь недалеко от маминой квартиры? — спросил Роман, продолжая смотреть в телефон, а потом, видимо, вспомнив, что Нина была всё—таки не его

матерью, добавил: — От Нины Сергеевны, я имею в виду. Мне нужна одна фотография. Помнишь Канны, восемьдесят девятый, она там ещё в белом жакете стояла возле лестницы с Делоном и этими французами? Не официальная, другая. У неё ветер волосы на лицо бросил, и она смеётся.

— Не Канны, — автоматически поправила Вера, застёгивая сумку. — Монпелье. И не восемьдесят девятый, а девяностый. Белый жакет был в Каннах, а в Монпелье она носила серый.

Роман наконец оторвался от экрана, посмотрел на жену поверх очков и улыбнулся той самой улыбкой, благодаря которой лет двадцать назад ему прощали практически всё. Теперь она выглядела взрослее, уголки губ обозначились складками, кожа возле глаз стала тоньше, однако сам принцип остался прежним: Роман улыбался так, будто только что поймал другого человека на способности быть полезным.

— Вот именно поэтому мне нужна ты, — сказал он, снял очки и положил их рядом с чашкой. — Найди, пожалуйста. Я сам вчера минут двадцать копался в телефоне, но там только переснятые варианты. Оригинал вроде бы был в синем альбоме. Если сможешь, завези вечером в студию. Художник ждёт.

Вера хотела спросить, зачем художнику понадобилась именно эта фотография, но вопрос был слишком обычным, чтобы тратить на него утро. Про фильм о Нине Роман говорил уже несколько лет. Сначала осторожно, больше в виде красивой идеи, которая приходила ему в голову после очередной ретроспективы или телевизионного показа старой картины. При жизни мать относилась к замыслу без восторга. Она разрешала говорить о съёмках, о профессии, о людях, которых давно не было в живых, о собственных ошибках и даже о том, как тяжело актрисе переживать возраст, но стоило Роману заводить разговор о личных письмах, о Викторе Радееве или последних годах её первого брака, Нина прекращала дискуссию одним и тем же выражением: «Мои трусы зрителю без надобности». На этом художественный поиск обычно заканчивался. После смерти матери Роман вернулся к проекту с новой силой. Сценарий разрастался, появлялись встречи, какие—то фамилии, звонки по вечерам, бесконечные разговоры о том, что настоящий фильм должен показать живого человека, а не бронзовый памятник. Вера слушала всё это вполуха. Восемь месяцев были слишком маленьким сроком, чтобы она научилась думать о матери как о персонаже будущего фильма.

— Постараюсь, — сказала она. — Если не найду, будешь пользоваться телефонной копией. Я не хочу сегодня переворачивать все шкафы.

И не надо, — легко согласился Роман, уже снова потянувшись к телефону. — Синий альбом, нижняя полка в гостиной. Я почти уверен. В шесть у нас просмотр, так что если до этого времени доберёшься, будет идеально.

На прощание он поцеловал её в щёку. Вера почувствовала запах его лосьона после бритья, машинально поправила ворот рубашки, который завернулся внутрь, и только потом вышла. Этот жест позже вспоминался ей чаще всего. Не поцелуй, не просьба о фотографии и даже не то, как спокойно Роман пил кофе, зная то, чего ещё не знала она. Вспоминались собственные пальцы, совершенно буднично расправляющие ткань у его шеи. Тридцать лет она поправляла ему воротники, снимала нитки с пиджака, смахивала крошки с плеча перед интервью и однажды прямо перед премьерой оттирала влажной салфеткой пятно тонального крема, оставленное какой—то актрисой на лацкане. Странно, насколько долго тело продолжает исполнять супружеские обязанности после того, как другой человек уже успел внутренне отменить сам брак.

Последние два занятия после обеда отменились. Сначала позвонила женщина, которая уже третий месяц учила французский ради переезда дочери в Лион, и виновато сообщила, что застряла у стоматолога. Через пять минут администратор центра заглянула в аудиторию и сказала, что следующая ученица тоже не придёт: у той заболел ребёнок. Вера посмотрела на часы.

Было без четверти три. До шести оставалось больше трёх часов, погода стояла неожиданно ясная, а тащиться домой, чтобы через час снова ехать через полгорода в студию, не хотелось. Она собрала тетради, убрала в сумку красную ручку и ненадолго задержалась возле окна. Внизу медленно ползли машины, люди переходили улицу, придерживая воротники от ветра, а у входа в кофейню курьер пытался закрепить на велосипеде огромную квадратную сумку. Обычный день. До той минуты он был настолько обыкновенным, что потом Вера несколько раз пыталась вспомнить, чувствовала ли что—нибудь заранее. Какой—нибудь неприятный холод, тяжесть в груди, пресловутое женское предчувствие, которым женщины в плохих фильмах всегда заранее узнают, что муж им изменяет. Ничего подобного не было. Ей хотелось кофе, немного ныла поясница после трёх часов за столом, и ещё она думала, что надо купить порошок для посудомоечной машины.

До материнского дома Вера добралась примерно за двадцать минут. Старый кирпичный дом стоял в тихом переулке, где деревья разрослись настолько, что летом почти закрывали окна первых этажей. Нина поселилась здесь ещё в девяностых, когда могла позволить себе квартиру в новом элитном доме, но из упрямства выбрала старую сталинку с высокими потолками, широкими подоконниками и лифтом, который трясся при каждом подъёме так, будто собирался вытряхнуть пассажиров между этажами. Консьержка внизу знала Веру с детства, хотя сама работала здесь не больше десяти лет, и каждый раз встречала её одинаково сочувственным выражением лица. Сегодня за стойкой сидела другая женщина, незнакомая, поэтому Вера просто кивнула и прошла к лифту, чувствуя неожиданное облегчение от того, что никто не сказал ей: «Как вы? Держитесь?»

В лифте пахло металлической пылью и чужими духами. Вера смотрела, как медленно сменяются цифры этажей, и думала о синем альбоме. Она точно знала, где он лежит. Не на нижней полке гостиной, как полагал Роман, а в шкафу возле кабинета, куда Нина перенесла старые фотографии после ремонта. На снимке действительно были французские актёры, только никакого Делона там не было, и мать смеялась не из—за ветра. Кто—то за кадром сказал ей что—то настолько неприличное, что Нина потом отказалась пересказывать дочери, но каждый раз, увидев фотографию, снова начинала улыбаться. Вере вдруг захотелось взять снимок не только ради Романа, а просто посмотреть на него. Мать на нём была моложе нынешней Веры почти на десять лет. Тогда это казалось глубокой зрелостью, а теперь пятьдесят пять выглядели возрастом, в котором ещё так много всего должно было продолжаться.

Дверь квартиры оказалась заперта. Вера вставила ключ, повернула один замок, потом второй и услышала внутри какой—то короткий глухой звук. Сначала ей показалось, что это упало что—нибудь с полки. Квартира иногда жила собственной жизнью: рассыхалось дерево, щёлкали батареи, сквозняк двигал неплотно прикрытую дверь. Но когда она вошла в прихожую, звук повторился, и на этот раз Вера безошибочно распознала человеческий смех. Женский. Негромкий, приглушённый, с попыткой не рассмеяться в полный голос.

Она замерла, держа ключи в руке.

Материнская квартира не должна была смеяться женским голосом.

Первой мыслью были Соня или Лариса Нечаева. У Сони оставался ключ, хотя она почти никогда не приходила сюда одна, а Лариса иногда помогала Вере разбирать вещи. Но обувь у двери разрушила обе версии. На коврике стояли мужские тёмные ботинки, которые Вера узнала сразу. Роман покупал их в Милане перед фестивалем и долго потом жаловался, что подошва слишком жёсткая. Рядом лежали женские сапоги на высоком каблуке, совершенно незнакомые, светло—бежевые, с тонкой молнией сбоку.

Вера посмотрела на ботинки мужа так, словно ожидала, что они сами объяснят происхождение. Роман должен был находиться в студии. По крайней мере, утром он собирался именно туда. Впрочем, квартира принадлежала матери Веры, а Роман бывал здесь сотни раз и сохранил запасной ключ ещё с тех времён, когда Нина иногда уезжала на несколько недель. Ничего

невозможного в его присутствии не было. Он мог приехать с художником, помощницей, костюмером, кем угодно. Наверное, так и было. Женский смех мог принадлежать любой сотруднице. Вера даже успела раздражённо подумать, что Роман опять не предупредил её о чужих людях в квартире, хотя прекрасно знал, как она к этому относится.

Она сняла пальто, повесила его на крючок и положила сумку на банкетку. Из глубины квартиры доносился голос Романа, но слов было не разобрать. Потом снова заговорила женщина.

— Она точно не рассердится? — спросила незнакомка.

Голос показался Вере смутно знакомым. Молодой, низковатый, чуть хриплый. Она наверняка слышала его по телевизору или где—нибудь на премьере. Роман ответил не сразу. Послышался шелест ткани, затем щелчок, похожий на звук застёжки.

— На что ей сердиться? — произнёс он. — Мы ничего не портим.

Вера медленно сняла туфли. Даже не потому, что собиралась подкрасться. Просто мать терпеть не могла уличную обувь в комнатах, и привычка оказалась сильнее внезапно возникшего беспокойства. Ступни почувствовали холод паркета через тонкие колготки. Она прошла по коридору, миновала гостиную и заметила на низком столике две чашки. Не материнские старые с зелёным кантом, а хорошие фарфоровые из шкафа, которые Нина доставала для гостей. В одной оставалось немного кофе. На белом краю темнел отпечаток розовой помады.

В спальне горел свет.

Дверь была приоткрыта примерно на ладонь. Вера остановилась возле неё и вдруг очень ясно услышала собственное дыхание. Никакой тревожной музыки, никакого предчувствия, ничего из того, что предупреждает героя фильма перед страшным открытием. Просто воздух входил через нос, выходил чуть теплее, а сердце билось быстрее обычного и отчего—то тяжело. Она могла сейчас окликнуть Романа. Могла специально кашлянуть или пройти дальше громким шагом. Позже Вера не раз пыталась понять, почему не сделала этого. Наверное, потому что уже услышала достаточно, чтобы испугаться ответа.

Женщина снова тихо рассмеялась.

— Ром, оно же настоящее. Я боюсь дышать.

— Дыши, — ответил он совсем близко. — Нина Сергеевна в нём даже танцевала, ничего ему не будет.

У Веры похолодели ладони.

Она толкнула дверь.

Первым она увидела зеркало. Огромное, старое, с тёмной деревянной рамой и маленьким пятном в левом верхнем углу, где серебрение начало портиться ещё лет пятнадцать назад. В этом зеркале мать красилась перед премьерами, Вера в шестнадцать лет тайком примеряла её серьги, а маленькая Соня когда—то рисовала пальцами сердечки на запотевшем стекле после ванны. Теперь перед ним стояла молодая женщина с поднятыми волосами, обнажёнными плечами и длинной светлой шеей. Спиной к двери.

На ней было серебристое платье Нины Ланской.

Вера сначала узнала платье, а уже потом женщину.

Ткань состояла из мелких серебряных пластинок, пришитых настолько близко друг к другу, что при движении они перекатывали по себе свет подобно рыбьей чешуе. В талии платье было узким, ниже расходилось свободнее, а спина оставалась открытой почти до поясницы. Нина получила его от какого—то французского дома перед большой церемонией, потом носила всего два раза и всю жизнь хранила в длинном тканевом чехле. Вера сама месяц назад проверяла платье, когда перекладывала вещи от моли. Оно пахло лавандовой пропиткой и едва заметно — материнскими духами, потому что запах каким—то чудом держался на внутренней подкладке.

Роман стоял за молодой женщиной и застёгивал последнюю маленькую застёжку на её спине.

Потом наклонился и поцеловал её в обнажённое плечо.

— Не случайно. Не дружески, не театрально и не так, как режиссёр может поправить актрисе костюм, неудачно оказавшись слишком близко. Его губы задержались на коже. Женщина чуть повернула голову к нему, улыбнулась тому отражению Романа, которое видела в зеркале, и расслабленно положила руку поверх его ладони.

Вера знала своего мужа тридцать лет.

Она знала, как он целует.

Несколько секунд никто не двигался. Молодая женщина смотрела в зеркало, и улыбка на её лице исчезла первой. Роман заметил изменение её выражения, поднял глаза и увидел в отражении жену.

Его лицо изменилось гораздо меньше.

Вот это Вера запомнила.

Не страх. Не вина. Не паника человека, которого поймали на предательстве. Роман просто замер, будто неожиданно обнаружил проблему, которой сегодня не должно было существовать. Лишь потом его пальцы медленно отпустили застёжку платья. Молодая женщина повернулась. Теперь Вера узнала её окончательно.

Полина Светлова.

Тридцать один год, если Вера ничего не путала. Несколько популярных сериалов, две заметные роли в кино, одна премия, полученная то ли за короткометражку, то ли за какой-то фестиваль фильм. Роман упоминал её в последние месяцы. Говорил, что девчонка способная, только зажата телевидением, что у неё редкое современное лицо и что настоящий режиссёр способен достать из неё гораздо больше, чем привыкли продюсеры. Вера даже видела Полину на одной премьере. Тогда та была в чёрном брючном костюме, смеялась рядом с какой-то певицей и казалась просто одной из множества молодых актрис, вокруг которых постоянно толпятся фотографы.

В серебристом платье Нины она выглядела иначе.

Не похожей на мать. Именно это отчего-то стало первой ясной мыслью Веры. Черты лица другие, фигура более хрупкая, плечи уже, даже цвет волос не тот. Но кто-то старательно уложил ей волосы волнами, как носила Нина в молодости, и сделал похожий макияж с вытянутой линией глаз. На туалетном столике лежала фотография матери. Та самая знаменитая фотография с церемонии, где она стояла в этом платье возле лестницы, держа награду обеими руками.

Рядом валялась помада Полины.

— Вера, — сказал Роман.

Его голос прозвучал удивительно обычно.

Вера посмотрела на него.

— Что? — спросила она.

Роман открыл рот, но впервые за очень долгое время не нашёл следующую фразу мгновенно. Он был человеком, для которого слова давно стали частью профессии. Мог разговаривать с разгневанным продюсером, успокаивать актёра перед сложной сценой, стоять перед залом в тысячу человек и без бумажки рассуждать о природе памяти, страха или любви. Сейчас он просто смотрел на жену.

Полина первой попыталась прикрыть грудь ладонью, хотя платье ничего там не открывало.

— Вера Андреевна, я... — начала она и тут же запнулась.

— Замолчи, — сказала Вера.

Голос оказался спокойнее, чем она ожидала. Даже слишком спокойным. Внутри происходило что—то совершенно другое: кровь как будто ушла из рук и ног, живот неприятно свело, а где—то под рёбрами появилось тупое давление. Вера понимала всё, что видела, но смысл увиденного не хотел укладываться вместе с привычным устройством мира. Роман целовал другую женщину. Другую женщину, одетую в платье её матери. Две вещи существовали одновременно и почему—то вторая пока причиняла почти большую боль, чем первая.

Роман сделал шаг к ней.

— Давай только без...

Он не закончил.

— Без чего? — спросила Вера.

Роман остановился. Полина смотрела то на него, то на Веру. На молодом лице появился испуг, но в нём пока было больше неловкости, чем настоящего раскаяния. Вера подумала, что, вероятно, именно так чувствует себя человек, который разбил чужую дорогую вазу и уже понял стоимость, но ещё не понял, что дело было не в деньгах.

— Без крика, — наконец сказал Роман. — Пожалуйста. Я понимаю, как это выглядит.

Вера посмотрела на его губы.

Только что они касались голого плеча Полины.

— А как это выглядит, Рома?

— Вера...

— Я правда не понимаю. Объясни мне. Как это выглядит?

Он выдохнул через нос и провёл рукой по волосам. Тот самый жест. Так Роман делал перед тяжёлым разговором, когда пытался упорядочить мысли. Вера знала жест и вдруг почувствовала к нему такое отвращение, что на мгновение забыла про боль. Даже сейчас он собирался организовать происходящее. Распределить реплики, определить правильную интонацию, объяснить двум женщинам, в какой сцене они оказались.

— Мы должны были поговорить, — сказал он. — Я собирался. Не так, конечно.

— Не так?

— Не здесь. И точно не сейчас.

— А когда?

Роман бросил короткий взгляд на Полину. Вера поймала этот взгляд и впервые поняла ещё одну вещь: они уже обсуждали её. Муж и любовница сидели где—нибудь вдвоём и разговаривали о том, когда рассказать жене. Возможно, Полина спрашивала, как Вера отреагирует. Возможно, Роман объяснял, что жена разумная, взрослая, истерик не устраивает. Возможно, они даже посмеялись над тем, как всё сложно в зрелых отношениях.

— Полина, оставь нас, пожалуйста, — сказал Роман.

Полина кивнула почти с облегчением и сделала шаг к ванной.

Серебряные пластинки на платье тихо зашелестели.

Этот звук подействовал на Веру сильнее всего остального.

— Нет, — сказала она. — Она никуда не пойдёт.

Полина остановилась.

— Вера, не надо, — Роман нахмурился. — Это наш разговор.

— Почему? Она уже участвует.

— Я не хочу, чтобы вы сейчас...

— Чтобы мы что?

Роман стиснул челюсть.

— Унижали друг друга.

Несколько секунд Вера просто смотрела на него, а затем коротко рассмеялась. Смех вышел неправильным, сухим, больше похожим на кашель. Полина вздрогнула. Роман нахмурился сильнее, явно услышав в этом начало той самой истерики, которой надеялся избежать.

— Унижали, — повторила Вера. — Какая забота.

— Я не это имел в виду.

— А что ты имел в виду, Рома?

— То, что произошло между нами, не имеет отношения к Полине как к актрисе.

Теперь Вера замолчала уже потому, что не сразу поняла смысл фразы.

— Что?

Роман снова провёл ладонью по волосам.

— Я говорю о фильме.

Вера перевела взгляд на Полину. Молодая женщина стояла в платье Нины, и вдруг всё, что до этого выглядело чудовищно, приобрело ещё одну форму. Фотография на столике. Волосы, уложенные под молодую Нину. Макияж. Роман говорил о фильме.

— Она играет маму? — спросила Вера.

Никто не ответил сразу.

Вот тут сердце наконец ударило по—настоящему сильно. Один тяжёлый толчок, за ним второй. Вера почувствовала собственный пульс в горле.

— Рома, — повторила она медленно. — Она играет мою мать?

— Полина утверждена на роль Нины в молодости, — сказал он.

Слова прозвучали деловито. Будто всё происходящее наконец дошло до той территории, где Роман чувствовал себя уверенно.

Полина опустила глаза.

— Мы пока не объявляли окончательно, — добавил Роман. — Хотели сначала провести нормальные пробы с материалом.

— С каким материалом?

— Вера, давай не будем сейчас смешивать всё в одну кучу.

— С каким материалом?

Роман посмотрел на неё тяжело.

— С семейным.

Вера почувствовала, как пальцы сами сжимаются в кулак.

— Семейным.

— Фотографии. Записи. Домашнее видео. Ничего, что могло бы тебе навредить.

— Мне?

— Тебе, памяти Нины Сергеевны, кому угодно. Я не собираюсь делать дешёвую сенсацию.

Вера снова посмотрела на Полину. Та стояла неподвижно, стараясь даже не шевелиться, будто серебристое платье превратилось в ловушку. Вера заметила на её левом плече красное пятнышко. След от губ Романа или просто прилив крови к коже — понять было невозможно.

— Поэтому ты привёл её сюда?

— Да.

— В мамину спальню.

— Ей нужно почувствовать человека.

— Человека?

— Среду, в которой Нина Сергеевна жила, — Роман заговорил быстрее, потому что наконец оказался на знакомой территории и мог объяснять. — Не декорацию, Вер. Понимаешь? Мы можем построить комнату один в один, найти мебель, снять размеры, но актриса должна понимать, как человек существовал в собственном пространстве. Где она сидела, где красилась, что видела утром, подходя к окну. Это не фетишизм и не какая—то мерзость, которую ты сейчас себе воображаешь. Это работа.

Вера слушала его и постепенно ощущала, как шок отступает. На его место приходило другое. Не спокойствие, нет. Что—то более холодное и гораздо более пригодное для того, чтобы стоять на ногах.

— Ты её трахал тоже для роли?

Полина зажмурилась.

Роман побледнел.

— Не надо.

— Что не надо?

— Не разговаривай так.

— Как?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет, Роман. Сегодня я вообще очень многое перестала понимать. Поэтому расскажи. Это метод? Она должна была почувствовать, как мама жила в этой квартире, а ты решил показать ей спальню подробнее?

— Вера! — резко бросил он.

Вот теперь в его голосе появилась злость.

Вера почти обрадовалась ей. Раздражённый Роман был гораздо привычнее растерянного. Его можно было узнать, а значит, становилось проще дышать.

Полина наконец заговорила:

— Вера Андреевна, пожалуйста. Я понимаю, что мне сейчас лучше вообще молчать, но... Я не хотела, чтобы вы узнали так.

Вера повернулась к ней.

— А как ты хотела?

Полина открыла рот.

— Я...

— Нет, правда. Мне интересно. Ты надела платье моей матери, стоишь в её спальне с моим мужем, который только что тебя целовал. Какой вариант тебе казался более удачным? Чтобы я узнала в ресторане? По телефону? Или Роман должен был посадить меня дома на диван и сообщить, что теперь спит с женщиной, которая будет играть мою мать?

— Полина тут ни при чём, — вмешался Роман.

Вера медленно повернула голову к нему.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Решение принимал я.

— Какое именно? Спать с ней или надеть на неё это платье?

Он снова промолчал.

Полина опустила руки вдоль тела. Вера увидела её пальцы — длинные, тонкие, с коротким светлым маникюром. Мать терпеть не могла такой цвет лака. Называла его «ногтями покойницы» и всю жизнь красила ногти либо прозрачным, либо тёмно—красным. Вера понятия не имела, почему эта бессмысленная подробность всплыла сейчас, но именно она вдруг сделала происходящее окончательно настоящим. Полина не была образом, кошмаром или случайным отражением в материнском зеркале. Это была живая женщина со своими ногтями, волосами, сапогами в прихожей и отношениями с Романом.

— Давно? — спросила Вера.

Роман посмотрел на неё настороженно.

— Мы поговорим об этом дома.

— Нет.

— Вера.

— Я спросила: давно?

Он не ответил. Полина едва заметно повернулась к нему, и этого оказалось достаточно. Они знали ответ оба.

Вера почувствовала, как что-то неприятно поднимается к горлу. Не слёзы. Тошнота. Она сглотнула и подошла к туалетному столику. Руки двигались сами. Вера взяла материнский флакон духов, переставила его дальше от помады Полины, потом подняла фотографию Нины и несколько секунд смотрела на неё. Мать на снимке была лет на двадцать моложе Полины, в обычной белой рубашке, без грима, с полотенцем на голове. Кто-то сфотографировал её дома, когда она ела яблоко и пыталась закрыться ладонью от камеры.

— Этот снимок откуда? — спросила Вера.

Роман посмотрел на фотографию.

— У меня был в телефоне.

— Я тебе его не отправляла.

— Ты показывала альбом.

— Значит, переснял.

— Какая сейчас разница?

Вера положила фотографию обратно.

— Для тебя, видимо, никакой.

— Ты сейчас ищешь дополнительные причины разозлиться.

— Дополнительные?

— Я не так выразился.

— Нет, Рома. Ты впервые сегодня очень точно выражаешься.

Роман глубоко вдохнул. Его терпение заканчивалось, и Вера видела это по тому, как напряглась кожа вокруг рта. Странно, но именно сейчас ей стало почти любопытно. Муж стоял перед ней пойманный с любовницей в квартире её умершей матери и всё равно постепенно начинал раздражаться на жену за неправильное поведение. Тридцать лет назад Вера бы не поверила, что подобная человеческая способность вообще существует.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. Давай честно. Да, между мной и Полиной отношения. Я должен был сказать тебе раньше. Я собирался. Я поступил неправильно, и я это признаю. Но фильм существует отдельно от наших отношений. Полина получила роль не потому, что мы вместе.

Полина при этих словах подняла глаза.

Вера заметила.

— Правда?

— Да.

— А она знает?

— Что?

— Что роль никак не связана с тем, что вы вместе.

— Вера, прекрати.

— Мне кажется, ей интересно.

Полина побледнела.

— Роман говорил, что рассматривает меня ещё до... — начала она и остановилась.

— До чего? — спросила Вера.

— До наших отношений.

— Ну вот, — сказал Роман слишком быстро. — Именно об этом я и говорю.

Вера кивнула.

Ей вдруг стало очень холодно. В комнате было тепло, батарея возле окна работала, Полина стояла с голыми плечами и не мёрзла, но Вера ощутила холод от ступней до плеч. Она обхватила себя руками и только тогда заметила, что всё ещё одета в тонкий тёмный жакет, в

котором вела занятия. Чужая женщина была в платье её матери. Муж — в рубашке, которую Вера сама гладила вчера вечером. Она одна выглядела здесь так, словно случайно зашла не туда между уроками.

— Нина Сергеевна сама хотела, чтобы фильм был честным, — осторожно произнесла Полина.

Вера медленно повернула к ней голову.

Роман едва заметно поморщился. Очевидно, он понял, что актриса выбрала не лучший момент для самостоятельной импровизации.

— Ты её знала? — спросила Вера.

Полина растерялась.

— Нет. Лично нет.

— Тогда откуда знаешь, чего она хотела?

Роман рассказывал.

Вера посмотрела на мужа.

— Конечно.

— Вер, не надо делать из Полины врага.

— Почему ты всё время рассказываешь мне, что не надо делать?

— Потому что ты сейчас в шоке.

— А ты?

Роман не понял вопроса.

— Что?

— Ты сейчас в шоке?

— Я понимаю, что ситуация тяжёлая.

— Нет, это я понимаю. Я спрашиваю, ты в шоке?

Он посмотрел на неё несколько секунд.

— Нет.

— Вот и я вижу.

Вера подошла ближе к Полине. Та невольно отступила на полшага, и платье снова зашестелело. Серебряные пластинки поймали свет от лампы, разбросав на стене маленькие подвижные блики. Так же они блестели на старой видеозаписи, где Нина спускалась по лестнице после вручения премии. Вере было девятнадцать. Она сидела дома перед телевизором и ужасно злилась, потому что мать пообещала взять её с собой, а потом решила, что дочери нужно готовиться к экзамену. Через два дня Нина вернулась, бросила это платье на кресло и спросила: «Ну что, французская филология всё ещё важнее шампанского?» Вера обиделась и не разговаривала с ней до вечера. Теперь она отдала бы половину жизни за ещё один такой бессмысленный день.

Полина следила за ней широко раскрытыми глазами.

Вера протянула руку и коснулась серебряной ткани возле талии.

— Она здесь порвана, — сказала Вера.

Полина вздрогнула и посмотрела вниз.

Возле бокового шва действительно торчала маленькая серебряная пластинка, отогнувшаяся наружу.

— Я не...

— Не двигайся.

Вера осторожно поправила пластинку ногтем. Руки почему-то не дрожали. Она знала это платье лучше Полины, знала, где подкладка тоньше, где когда-то заменяли крючок, где Нина сама подшила край после второй церемонии. Вера медленно провела пальцами по ткани и остановилась на талии молодой женщины.

— Сними, — сказала она.

Полина замерла.

— Что?

— Платье. Сними.

Роман сделал шаг к ним.

— Вера, не надо устраивать...

Она резко повернулась.

— Даже не заканчивай.

Он остановился.

Вера посмотрела ему прямо в глаза. За тридцать лет она много раз видела Романа злым. Видела его пьяным один—единственный раз после провала первой большой картины, видела больным, растерянным после смерти собственного отца, счастливым после рождения Сони, перепуганным, когда дочь в семь лет потерялась на пляже, и совершенно разбитым после того, как Нина умерла в больнице, а Вера вышла в коридор и сказала, что всё. Она знала этого мужчину во всех возможных состояниях. Сейчас перед ней было что—то новое, и новое заключалось даже не в измене. Роман смотрел на неё так, будто уже заранее решил, какие из её чувств разумны, а какие нет.

— Это платье моей матери, — сказала Вера. — Ты привёл сюда женщину, с которой спишь, надел на неё мамино платье и теперь собираешься объяснить мне, какие эмоции я имею право испытывать. Ещё одно слово о том, что мне не надо делать, и я не знаю, что произойдёт дальше. Поэтому просто замолчи.

Полина первой отвела глаза.

Роман остался стоять.

Вера снова повернулась к актрисе.

— Сними платье.

— Хорошо, — тихо сказала Полина.

Она потянулась к застёжке на спине, но пальцы не доставали.

На несколько секунд возникла чудовищная нелепость: любовница мужа стояла перед женой в платье умершей матери и не могла из него выбраться.

Роман двинулся было помочь.

— Не трогай её, — сказала Вера.

Он застыл.

Вера обошла Полину и сама расстегнула застёжку.

Ту самую, которую совсем недавно застёгивал Роман.

Пальцы встретились с нагретым металлом. Одна застёжка, вторая, третья. Полина стояла неподвижно, чуть опустив голову. Когда платье освободилось, она придержала его руками на груди.

— Ванная там, — сказала Вера. — Если вдруг забыла дорогу в квартире женщины, которую собираешься играть.

Полина вздрогнула, но ничего не ответила. Она собрала ткань и ушла в ванную. Серебряное платье исчезло за дверью, оставив Романа и Веру одних в спальне Нины.

Он дождался, пока дверь ванной закроется.

— Ты довольна?

Вера даже не сразу поняла вопрос.

— Что?

— Ты её унизила. Легче стало?

Она посмотрела на мужа и почувствовала, как внутри что—то окончательно встаёт на своё место.

— Ты сейчас серьёзно?

— Она не виновата в том, что мы с тобой...

— Не договаривай.

— Вера, мы всё равно должны поговорить.

— Обязательно.

— Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что ты не слышишь ничего, что я говорю.

Вера снова рассмеялась, и теперь смех получился почти нормальным.

— А я должна?

— Я не говорю, что должна. Я говорю, что есть вещи сложнее простой схемы «муж изменил, жена поймала».

— Сложнее?

— Да.

— Конечно, Рома. У нас же кино.

Он сжал губы.

— Вот это сейчас совершенно лишнее.

— А что не лишнее?

— Фильм.

Вера перестала улыбаться.

Роман подошёл ближе, но теперь между ними оставалось примерно два шага. Наверное, он инстинктивно чувствовал, что касаться её нельзя.

— Фильм нельзя уничтожать из—за того, что произошло между нами, — сказал он. — Я не прошу тебя сейчас понять меня как мужа. Я прекрасно понимаю, что ты не можешь. Но ты знаешь, сколько лет я думаю об этой картине. Ты знаешь, насколько Нина Сергеевна важна для меня не только как твоя мать.

— Была.

Роман нахмурился.

— Что?

— Важна была. Она умерла.

— Я знаю.

— Иногда у меня возникают сомнения.

— Это несправедливо.

— Правда?

Он тяжело выдохнул.

— Да, чёрт возьми. Несправедливо. Я любил её.

Вера посмотрела на фотографию матери возле зеркала.

— Поэтому привёл сюда Полину?

— Потому что Полина будет её играть.

— И поэтому спишь с ней?

Роман закрыл глаза на секунду.

— Мы снова возвращаемся к одному и тому же.

— Странно, правда? Я только пять минут знаю, что мой муж мне изменяет, а уже повторяюсь.

— Я не прошу тебя простить.

— Ты вообще пока ничего у меня не просил.

Роман посмотрел на неё внимательнее.

И тогда Вера увидела это. Очень маленькое движение. Настолько привычное, что другой человек мог бы не заметить. Роман слегка поджал нижнюю губу и перевёл взгляд на туалетный столик, где лежала фотография Нины. Он готовился попросить. Вот теперь.

— Фильм уже далеко зашёл, — сказал он. — Очень далеко. Есть люди, договорённости, деньги, сроки. И есть вещи, которые без тебя мы просто не сможем сделать правильно.

Вера молчала.

— Какие вещи?

Роман, видимо, принял вопрос за признак того, что она готова разговаривать.

— Полине нужно понимать Нину не как икону. Манеру речи, движения, какие—то мелочи. Как она держала сигарету до того, как бросила курить. Как смеялась, когда действительно было смешно. Что делала руками, если нервничала. Есть сотни деталей, которые не найдёшь в старых фильмах.

Вера смотрела на него.

Роман продолжал:

— Ты знаешь её лучше всех.

Вот оно.

Удар пришёл не через измену. Даже не через Полину. Не через платье.

Через это.

Роман стоял перед женой, которую только что поймали на его связи с молодой актрисой, и всё равно рассчитывал, что она поможет этой молодой актрисе научиться быть её матерью.

— Ты хочешь, чтобы я её готовила? — спросила Вера.

Роман сразу понял, как прозвучало сказанное, но отступить было поздно.

— Не готовила. Помогла с деталями.

— В чём разница?

— Вера...

— Ты хочешь, чтобы я сидела с ней и рассказывала, как мама смеялась?

— Не сейчас.

— Как держала чашку?

— Когда всё успокоится.

— Каким голосом говорила со мной?

— Я не собираюсь заставлять тебя.

— Как она плакала, когда умер папа?

— Господи, нет, конечно!

— Что любила есть? Как спала? Как ругалась? Как смотрела на мужчину, если была влюблена? Это всё ведь детали, Рома. Живой человек. Ты именно это говорил?

— Я говорил про работу.

— А я про маму.

Он стоял молча.

Дверь ванной открылась.

Полина вышла в своих джинсах и тонком светлом свитере, который, видимо, принесла с собой. Без платья она сразу стала меньше. Обычная молодая женщина, красивая, испуганная, с плохо уложенными после переодевания волосами. В руках она держала серебристую ткань.

Вера подошла.

Полина протянула ей платье.

— Простите, — тихо сказала она.

Вера взяла его обеими руками.

Ткань была тёплой.

Это оказалось почти невыносимо.

Мамино платье сохранило тепло чужого тела.

Вера прижала его к груди и впервые за всё время почувствовала, как глаза наполняются слезами. Она быстро моргнула. Плакать перед ними не хотелось. Не потому, что это было слабостью. Просто эти двое уже получили от неё слишком много на сегодня.

Полина посмотрела на Романа.

— Я поеду.

Роман кивнул.

— Я позвоню.

Вера закрыла глаза на мгновение.

Даже это.

Я позвоню.

Не «мы поговорим». Не «извини». Ничего. Просто привычная фраза между людьми, которые продолжают свои отношения и уже знают, что будет после того, как законная жена покинет комнату.

Полина взяла сумку со стула. Уже у двери она остановилась.

— Вера Андреевна, я понимаю, что вы сейчас меня ненавидите.

Вера открыла глаза.

— Нет.

Полина растерялась.

— Что?

— Я тебя почти не знаю. Для ненависти этого мало.

Молодая женщина побледнела.

— Я не хотела...

— Не надо.

Полина прикусила губу.

— Я правда...

— Иди.

На этот раз она послушалась.

Через несколько секунд из прихожей донёсся звук открывающейся двери. Потом щёлкнул замок.

В квартире стало тихо.

Роман и Вера остались вдвоём.

Тридцать лет брака и серебристое платье Нины между ними.

— Я отвезу тебя домой, — сказал Роман.

Вера посмотрела на него.

— Нет.

— Ты сейчас не в состоянии вести машину.

— А ты в состоянии?

Он поморщился.

— Не начинай.

— Вот опять.

— Что?

— «Не начинай». «Не кричи». «Не унижай». «Не смешивай». Ты за последние десять минут столько раз объяснил мне, чего я не должна делать, что я уже начинаю забывать, кто из нас кого здесь поймал.

Роман отвернулся к окну.

За стеклом виднелся соседний дом, кусок серого неба и голые ветви старого дерева. В детстве Вера сидела на этом подоконнике и читала французские книжки, пока мать готовилась к спектаклю. Сейчас ей вдруг захотелось открыть окно, чтобы впустить холодный воздух и выгнать из комнаты запах Романа, Полины и её собственный страх. Но платье было в руках, и Вера боялась положить его на кровать.

— Мы поговорим вечером, — сказал Роман.

— Нет.

Он повернулся.

— Что значит нет?

— Значит, не сегодня.

— Вера, нам нельзя оставлять всё вот так.

— Почему?

— Потому что это...

Он не нашёл подходящего слова.

— Неправильно? — подсказала Вера.

Роман посмотрел на неё устало.

— Потому что нам нужно решить, что делать дальше.

— Ты уже решил.

— Это не так просто.

— Для тебя, наверное.

— Для тебя тоже.

Вера покачала головой.

— Нет. Мне сейчас как раз очень просто.

Она подошла к шкафу, где висел пустой тканевый чехол, расстегнула молнию и осторожно убрала внутрь платье. Серебряная ткань легла складками. На секунду Вера задержала ладонь на ней, затем закрыла чехол.

Роман наблюдал.

— Я заберу его, — сказала Вера.

— Конечно.

Она посмотрела на него.

— Спасибо за разрешение.

— Господи, Вера.

— Не произноси здесь это имя. Мама всегда говорила, что ты становишься особенно невыносимым, когда начинаешь призывать Господа свидетелем собственной невиновности.

Роман дёрнул уголком рта. Не улыбнулся, просто старая привычка тела попыталась ответить на знакомую фразу Нины.

Это движение оказалось хуже всего.

На мгновение перед Верой снова появился её муж. Тот самый. Человек, который сидел с Ниной на кухне, спорил до ночи, таскал Соню на плечах, держал Веру за руку в роддоме и однажды ехал через весь город за забытым шарфом, потому что она мёрзла. Все эти люди не исчезли. Они находились здесь, внутри одного тела, рядом с мужчиной, который несколько минут назад целовал Полину в плечо.

Вот почему было так больно.

Если бы Роман всегда был мерзавцем, всё оказалось бы значительно проще.

Вера достала из шкафа длинную сумку для платья, которую мать использовала в поездках, положила чехол внутрь и застегнула. Потом взяла фотографию с туалетного столика.

— Эту тоже заберу.

Роман кивнул.

— Вера...

Она повернулась к нему.

Он стоял посреди спальни Нины, засунув руки в карманы брюк. Так он всегда делал, когда не знал, куда девать руки.

— Мне жаль, что ты увидела это так.

Вера долго смотрела на него.

— А мне жаль, что это вообще было что увидеть.

Роман опустил глаза.

Она ждала продолжения. Может быть, сейчас он скажет: мне жаль, что я сделал это. Мне жаль, что предал тебя. Мне жаль, что привёл её сюда. Что угодно.

Он молчал.

Тогда Вера взяла сумку с платьем и вышла из спальни.

В прихожей сапог Полины уже не было. Остались только ботинки Романа. Рядом с ними стояли туфли Веры. Она надела их, не садясь, сунула фотографию в сумку с тетрадями и накинула пальто. Роман вышел следом.

— Я всё равно тебя отвезу.

— Нет.

— Не упрямься.

Вера застыла с рукой на пуговице.

Потом медленно подняла голову.

Роман понял раньше, чем она сказала.

— Хорошо, — произнёс он. — Извини.

Вера застегнула пальто.

— Ключ.

— Что?

— От квартиры.

Он нахмурился.

— Вера, сейчас?

— Сейчас.

— Это же просто ключ.

— Именно.

Роман несколько секунд стоял неподвижно, потом достал связку. На ней было пять или шесть ключей, маленький металлический брелок от машины и чёрная пластиковая метка студии. Он нашёл нужный и снял его с кольца.

Когда Роман протянул ключ, Вера раскрыла ладонь.

Металл упал в неё с тихим звоном.

Так мало весила вещь, которая тридцать лет означала «ты свой».

Вера сжала пальцы.

— Остальные потом заберёшь, — сказала она.

— Какие остальные?

— Домой приедешь — поймёшь.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Что ты сейчас решила?

Вера взялась за дверную ручку.

— Пока ничего.

Это была неправда.

Решение уже существовало, просто она ещё не могла назвать его словами. Оно было слишком большим для того состояния, в котором она находилась. Но одна вещь стала абсолютно ясной: мужчина, стоящий сейчас в прихожей её матери, больше не имел права входить сюда своим ключом. Всё остальное, вероятно, придёт следом.

Она открыла дверь.

— Вера.

Она обернулась.

Роман стоял на пороге коридора.

— Фотография всё—таки нужна, — сказал он после короткой паузы. — Та, из Монпелье. Если найдёшь потом...

Несколько секунд Вера просто смотрела на него.

Он понял.

Поздно, но понял.

— Забудь, — сказал Роман.

Вера медленно кивнула.

Вот теперь всё стало окончательно ясно.

Не потому, что он изменил.

Не потому, что молодой женщине было тридцать один.

Не потому даже, что Роман надел на любовницу платье её покойной матери.

А потому, что спустя несколько минут после того, как рухнула их тридцатилетняя жизнь, какая—то часть его сознания всё ещё продолжала помнить о фотографии, нужной художнику к шести часам.

Вера вышла на лестничную площадку и закрыла дверь.

Лифт ехал долго. Она стояла перед металлическими створками, держа в одной руке сумку с материнским платьем, а в другой — ключ, который забрала у мужа. Слёзы наконец начали течь, но Вера не вытирала их. Здесь никто не видел. Здесь можно было не сохранять лицо, не объяснять Полине, что ненависть требует знакомства, не слушать Романа и не определять, что из его поступков относится к искусству, а что — к браку.

Лифт открылся.

Вера вошла внутрь, нажала первый этаж и увидела себя в мутном зеркале на стене кабины. Пятьдесят пять лет. Тёмные волосы, в которых уже приходилось закрашивать седину у корней. Размазанная тушь под правым глазом. Пальто застёгнуто неровно. На плече висит сумка с тетрадями, потому что ещё час назад она была преподавателем французского языка и думала о вечернем ужине.

А теперь в другой руке находилось платье её матери, которое несколько минут назад носила любовница мужа.

Вера посмотрела на собственное отражение и вдруг совершенно ясно поняла одну вещь, настолько простую, что её даже не требовалось проговаривать вслух.

Утром она вышла из дома женой Романа Ярова.

Назад вернётся уже другая женщина.

Глава 2. Пока ты была рядом с ней

Ночью Вера почти не спала. Она легла около двух, предварительно проделав все те бессмысленные вещи, которые человек делает перед сном даже тогда, когда понимает, что никакого сна не будет: умылась, почистила зубы, поставила телефон на зарядку, проверила входную дверь, выключила свет в коридоре и даже зачем—то расправила покрывало на той половине кровати, где обычно спал Роман. Только после этого она заметила собственное движение и несколько секунд стояла, придерживая край ткани обеими руками. Подушка мужа оставалась вмятой с предыдущей ночи, на тумбочке лежала книга, которую он читал уже недели три, а рядом стоял стакан с засохшим на дне белёсым следом от воды. Роман не вернулся домой. Не позвонил, чтобы сказать, где останется, и Вера ему тоже не звонила. За тридцать лет они не раз ночевали отдельно из—за съёмок, поездок, больниц, командировок и семейных обстоятельств, но впервые она не знала, в каком доме проснётся её муж, и впервые не испытывала никакого желания это выяснять.

Платье Нины Вера повесила в маленькой комнате, которую много лет называли гостевой, хотя гости оставались там в лучшем случае пару раз в год. Чехол не помещался в обычный шкаф по длине, поэтому она закрепила его на дверце и несколько раз проверила молнию, словно чужое тело всё ещё могло оставаться внутри. Даже после того, как Полина сняла платье, ткань сохраняла её тепло, и это ощущение преследовало Веру всю дорогу домой. Уже в квартире она не выдержала, вынула платье из чехла, осторожно разложила на покрывале и долго осматривала подкладку, застёжки, боковые швы. Серебряная пластинка возле талии действительно держалась хуже других, но ничего непоправимого не случилось. Вера поправила нитку тонкой иглой, найденной в старой шкатулке, и только закончив работу поняла, насколько чудовищно выглядит всё происходящее: муж изменяет ей, а она среди ночи чинит материнское платье после его любовницы. От этой мысли Вера рассмеялась, но смех быстро закончился, оставив после себя сухую боль в горле.

Телефон лежал рядом и несколько раз оживал от сообщений. Первым написал Роман: «Ты добралась?» Вера прочитала и не ответила. Через двадцать минут пришло следующее: «Давай завтра спокойно поговорим». Потом, уже ближе к полуночи: «Я не хочу сейчас делать всё ещё хуже». Вера долго смотрела на последнюю фразу, пытаясь понять, каким способом он собирается определить границу, после которой станет хуже. Молодая любовница в платье умершей матери, видимо, находилась где—то ещё до этой воображаемой черты. Может быть, существовал целый список поступков, которые Роман считал допустимыми, пока все участники вели себя достойно и не осложняли ему жизнь громкими сценами.

Она так и не спросила, где он ночует. Логичным ответом была Полина, и именно поэтому знать наверняка не хотелось. Вера не представляла, живёт ли актриса одна, есть ли у неё квартира, собака, соседка, привычка спать с открытым окном или оставлять чашки возле кровати. До вчерашнего дня вся эта информация не имела для неё никакого значения, а теперь могла внезапно оказаться частью жизни Романа. Человека, с которым Вера прожила почти тридцать лет, вполне возможно, сейчас впускали в другую спальню, давали ему другое полотенце, ставили возле кровати стакан воды. Страшнее самой постели почему—то казались именно эти мелочи. Секс ещё можно было представить вспышкой глупости, страсти, возраста, страха перед старением — чем угодно. Но собственная зубная щётка в чужой ванной уже означала бы устройство новой жизни.

Около трёх часов Вера всё—таки уснула, но уже в половине шестого проснулась от привычного ощущения, что Роман встал раньше неё. Несколько секунд она лежала с закрытыми глазами и слышала что—то похожее на движение по кухне, пока не поняла, что шумит вода в батарее. За окном только начинало светлеть. Вторая половина кровати оставалась пустой и

холодной. Вера перевернулась на спину, положила ладонь на живот и стала разглядывать потолок, на котором от редких машин ползли слабые полосы света. Ни плакать, ни злиться уже не получалось. Организм, измученный вчерашним потрясением, будто решил экономить силы и на несколько часов просто выключил всё лишнее.

Утром она встала в семь, хотя занятий сегодня не было до обеда. На кухне первым делом взяла две чашки. Белую поставила возле кофемашины, тёмно—синюю — справа, на привычное место Романа, и только после этого остановилась. Несколько секунд Вера смотрела на синюю чашку, потом взяла её и убрала обратно в шкаф. Никакой трагедии в этом простом движении не было, только раздражение на собственные руки. Роман столько лет существовал в её быту, что тело продолжало готовить ему кофе даже тогда, когда разум уже прекрасно понимал: сегодня он, возможно, завтракал в другом месте.

Вера сделала один кофе, поджарила хлеб и заставила себя съесть половину тоста. Вкус почти не чувствовался. На столе лежало обручальное кольцо — ночью она несколько раз снимала его, потом снова надевала, будто проверяла что—то, а утром просто положила возле сахарницы. На безымянном пальце осталась светлая полоска кожи. Само кольцо за десятилетия покрылось мелкими царапинами и давно перестало выглядеть как украшение. Оно было такой же частью Веры, как родинка возле запястья или едва заметный шрам на подбородке, полученный ещё девочкой после падения с велосипеда. Несколько раз она брала его двумя пальцами, рассматривала, затем снова клала на стол. Пока надеть кольцо обратно всё—таки не смогла.

Около девяти позвонила Соня. Вера увидела имя дочери на экране и почувствовала первый настоящий страх за утро. Значит ли это, что Роман уже рассказал? Но Соня говорила совершенно обычным голосом, жаловалась на какую—то коллегу, спрашивала, не осталось ли у бабушки старого рецепта яблочного пирога, и в конце предложила встретиться в выходные. Вера отвечала коротко, стараясь не дать голосу измениться. Ей несколько раз хотелось сказать всё прямо сейчас: твой отец спит с Полиной Светловой, вчера я застала их в квартире бабушки, и на ней было бабушкино платье. Но эти слова казались слишком огромными, чтобы бросить их дочери в телефон между яблочным пирогом и рабочей жалобой.

— Мам, ты чего такая? — спросила Соня, наконец заметив странность. В её голосе появился знакомый настороженный оттенок, и Вера сразу представила дочь маленькой, когда та тем же тоном спрашивала, почему родители замолчали после её появления в комнате.

— Не выпалась, — ответила Вера, наливая себе вторую чашку кофе. — Вчера поздно разбирала бабушкины вещи. Давай потом поговорим, хорошо?

— Точно всё нормально? — Соня не успокоилась, но Вера услышала на заднем плане чужие голоса и поняла, что дочь уже пришла на работу. — Ты мне можешь сказать, если что —то случилось.

— Я знаю, — произнесла Вера и почувствовала, как к горлу снова подкатывает неприятный ком. — Всё, беги. В выходные увидимся.

Когда разговор закончился, Вера ещё некоторое время держала телефон возле уха. Роман тоже знал, что дочери ничего не известно. Значит, где бы он ни провёл ночь, он пока не позвонил Соне. Это почему—то показалось Вере хорошим знаком, хотя она сама не могла объяснить почему. Наверное, какая—то её часть до сих пор надеялась, что муж хотя бы один раз позволит ей участвовать в собственной семейной истории, прежде чем сам расскажет окружающим правильную версию произошедшего.

Роман приехал без четверти одиннадцать. Вера услышала звук ключа в замке и даже не встала со стула. Конечно, у него оставался ключ от их дома. Вчера она забрала только ключ от квартиры Нины, и теперь это простое различие внезапно стало почти символическим: в дом матери Роман больше войти не мог, а сюда пока имел полное право приходить как хозяин. Дверь открылась, из прихожей донёсся шорох одежды, потом тяжёлый вздох. Через несколько секунд Роман появился на кухне.

Он был в той же рубашке, в которой Вера видела его вчера. Только теперь ткань помялась на локтях и спине, а ворот был расстёгнут сильнее. Щетина на подбородке потемнела. Волосы, обычно аккуратно уложенные даже в выходные, выглядели растрёпанными. Он не был похож на мужчину, счастливо прошедшего первую официально разрешённую ночь с молодой любовницей. Скорее на человека, который плохо спал в неудобном месте и с утра уже успел провести несколько неприятных разговоров.

Роман остановился в дверях.

— Привет, — сказал он и тут же поморщился, будто сам услышал неуместность собственного приветствия. — Ты как?

Вера посмотрела на него поверх чашки.

— Великолепно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Роман прошёл к кофемашине. Всё делал так, как делал каждое утро: открыл шкаф, достал синюю чашку, нажал кнопку, подождал, пока машина прогреется. Вера следила за ним, испытывая странное чувство, похожее на наблюдение за вором, который почему-то знает расположение всех вещей в доме. Вот Роман достал сахар. Вот положил ложку справа. Вот машинально вытер пальцем каплю воды возле раковины. Всё принадлежало ему и одновременно перестало принадлежать буквально за сутки.

— Где ты был? — спросила Вера.

Роман замер на мгновение, но сразу продолжил возиться с кофе.

— Уехал в гостиницу.

— Почему не к Полине?

Он поставил чашку на стол чуть громче необходимого.

— Потому что я решил, что сейчас это будет неправильно.

Вера невольно усмехнулась.

— Сейчас.

— Да, сейчас.

— А вчера в маминой спальне было правильно?

Роман закрыл глаза.

— Вера, я приехал поговорить, а не продолжать вчерашний скандал.

— Какой скандал?

Он посмотрел на неё.

— Не начинай цепляться к словам.

— Мне просто интересно, что именно ты называешь скандалом. Я не кричала, ничего не разбила и даже Полину не ударила. Хотя, судя по твоей реакции, должна была ещё и извиниться перед ней.

Роман сел напротив. Он сделал глоток кофе, но почти сразу поставил чашку обратно и сцепил руки перед собой. Вера знала эту позу. Так он сидел на переговорах, если собирался сообщить человеку что-нибудь неприятное и хотел заранее показать серьёзность намерений.

— Я понимаю, что тебе больно, — начал он.

— Нет.

— Что — нет?

— Ты не понимаешь.

Роман чуть нахмурился.

— Хорошо. Возможно, не до конца. Но я понимаю, что произошло ужасно и что вчера всё выглядело...

— Прекрати говорить «выглядело».

— А как мне говорить?

— «Было». Не выглядело ужасно, Роман. Было ужасно. Есть разница.

Он некоторое время молчал, потом коротко кивнул.

— Хорошо. Было ужасно.

— Спасибо.

— Ты сейчас хочешь только обвинять меня?

Вера опустила чашку на блюдо.

— Я пока вообще ничего не хочу. Ты приехал поговорить, вот и говори.

Эта возможность явно облегчила ему задачу. Роман выпрямился и провёл ладонью по лицу, будто собирая мысли. За окном проехала машина, потом где-то этажом выше залаяла собака. Дом жил обычной жизнью, и Вере казалось почти неприличным, что стены не трещат и посуда не падает с полок после того, как люди за этим столом собираются обсуждать конец тридцатилетнего брака.

— Я давно чувствовал, что между нами что-то изменилось, — сказал Роман. — Не вчера и не месяц назад. Давно. Мы с тобой очень близкие люди, Вер. Наверное, самые близкие друг другу. Но близость бывает разной.

Вера смотрела на него.

— Продолжай.

— Мы стали... — он замялся, подбирая выражение, — скорее семьёй в каком-то другом смысле. Партнёрами. Друзьями. Людьми, которые прекрасно знают друг друга и привыкли жить вместе.

— Мужем и женой?

— Формально — да.

— Формально.

Роман сразу понял, что слово неудачное.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Нет. Объясни.

Он раздражённо выдохнул.

— Вера, мне пятьдесят восемь. Я не хочу притворяться, что всё должно оставаться неизменным только потому, что мы прожили вместе почти тридцать лет.

— А кто притворялся?

— Мы оба.

Вера почувствовала, как под столом пальцы ног сжались внутри домашних тапок.

— За меня не говори.

— Хорошо, я говорю за себя. Я давно не чувствовал себя рядом с тобой мужчиной.

Фраза была подготовлена заранее. Вера поняла это сразу. Не обязательно именно этими словами, но Роман явно уже проговаривал подобное — самому себе, Полине, возможно, кому-нибудь ещё. Фраза была гладкой, законченной и слишком удобной.

— А кем ты себя чувствовал? — спросила она.

— Мужем в бытовом смысле. Родным человеком. Человеком, который отвечает за семью.

— Отвечает.

— Да.

— Очень ответственно вчера получилось.

Роман сжал челюсти.

— Если ты будешь каждую мою фразу превращать в издёвку, мы никуда не придём.

— А куда нам надо прийти?

Он ничего не ответил. Вера посмотрела на него и неожиданно почувствовала усталость. Не ту, физическую, которая осталась после бессонной ночи, а какую-то старую, едва ли не многолетнюю. Роман всегда любил разговоры, которые должны были куда-нибудь прийти. К решению, примирению, договорённости, удобной формулировке. Вера раньше ценила эту

его способность. Сейчас впервые подумала, что, возможно, некоторые вещи нельзя привести к красивому заключению.

— Полина появилась не потому, что с нами всё было прекрасно, — продолжил он уже осторожнее. — Она появилась в момент, когда я давно чувствовал пустоту.

Вера коротко кивнула.

— Значит, всё—таки из—за меня.

— Я этого не сказал.

— Пока нет.

— Не передёргивай.

— Хорошо. Расскажи про пустоту.

Роман провёл пальцем по краю чашки.

— Я не знаю, как объяснить так, чтобы ты сейчас не услышала обвинение.

— Попробуй.

— Мне не хватало тебя.

Вера даже не сразу поняла услышанное.

— Меня?

— Да.

— Я вроде бы жила здесь.

— Физически.

Он произнёс это осторожно, но поздно. Вера уже увидела направление, куда поворачивает разговор.

— А эмоционально? — спросила она.

— Ты сама знаешь.

— Нет, Роман, сегодня я решила отказаться от обязанности знать за тебя. Поэтому рассказывай.

Он поднял глаза.

— Последние годы всё крутилось вокруг другого. Сначала твои ученики, потом Соня, потом Нина Сергеевна. Особенно последний год.

Вот теперь Вера замерла.

Имя матери легло между ними маленьким тяжёлым камнем.

— Мама болела.

— Я знаю.

— Нет, мне кажется, ты сейчас собираешься рассказать что—то, из чего следует, что не знаешь.

— Я не обвиняю тебя в том, что ты была рядом с ней.

— Пока.

Роман ударил ладонью по столу, но не сильно, скорее от бессилия.

— Да перестань ты всё время ждать от меня самого худшего!

Вера посмотрела на его руку. Обручальное кольцо всё ещё было на пальце. Она заметила его только сейчас. Обычное широкое кольцо из белого золота, которое они покупали вместе после двадцатилетия брака взамен старых тонких колец. Роман носил его вчера, когда застёгивал платье на спине Полины. Носил, когда целовал её плечо. Возможно, носил и тогда, когда впервые ложился с ней в постель.

— Сними кольцо, — сказала Вера.

Роман не понял.

— Что?

— Кольцо сними.

Он посмотрел на собственную руку.

— Сейчас обязательно?

— Очень.

Роман несколько секунд сидел неподвижно, потом потянул кольцо. Оно снималось туго. Пришлось прокрутить его несколько раз, и Вера вдруг вспомнила, как два года назад он поправился после съёмок и жаловался, что кольцо давит. Тогда она предложила отнести его ювелиру, а Роман отказался, пошутив, что лучше похудеет, чем расширит символ семейной верности. Забавная была шутка. Теперь металл наконец прошёл через сустав, и Роман положил кольцо на стол.

Оно оказалось рядом с кольцом Веры.

Два маленьких металлических кружка лежали возле сахарницы, почти соприкасаясь краями.

— Довольна? — спросил он.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы хотя бы одна вещь на этом столе перестала врать.

Роман отвернулся. Несколько секунд он смотрел в окно, потом снова повернулся к Вере и, кажется, заставил себя успокоиться.

— Я не собираюсь выставить тебя виноватой.

— Прекрасно.

— Но я хочу, чтобы ты услышала одну вещь. Наш брак не разрушился вчера.

Вера медленно кивнула.

— Когда?

— Что?

— Когда он разрушился?

— Я не могу назвать дату.

— А измена может?

Роман чуть напрягся.

— Мы опять...

— Нет, теперь мы как раз пришли туда, куда ты хотел. Ты говоришь, что наш брак давно умер. Значит, когда ты начал спать с Полиной, он уже был мёртвым. Мне интересно, когда это произошло.

— Вера, какая разница?

— Для меня большая.

Он взял чашку и выпил уже остывший кофе почти до конца. Вера не торопила. У неё вдруг появилось очень ясное ощущение, что именно сейчас нельзя помогать ему формулировать ответ. Пусть скажет сам. Пусть выберет месяц, день или хотя бы время года и положит его между ними собственными руками.

— Мы сблизилась весной, — наконец сказал Роман.

Вера не сразу отреагировала.

— Весной.

— Да.

— Какой месяц?

— Я не помню точно.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Роман.

— Что?

— Ты режиссёр, который может через пятнадцать лет вспомнить, в какой день актёр опоздал на съёмочную площадку на сорок минут. Не оскорбляй меня.

Он стиснул зубы.

— В конце апреля.

Вера услышала.

И ничего не почувствовала.

Сначала.

Конец апреля. Простые два слова, которые не должны были обладать никакой физической силой. Но за ними сразу начали открываться дни. Не абстрактная весна, не неопределённые «последние месяцы», а вполне конкретное время.

В конце апреля Нина уже почти не вставала самостоятельно.

Вера помнила очень хорошо.

Мать тогда ещё жила у себя, категорически отказываясь переезжать к дочери или в хорошую клинику, хотя врач всё настойчивее говорил, что одной ей оставаться нельзя. Вера приезжала утром перед занятиями, готовила завтрак, раскладывала таблетки, потом возвращалась вечером. Несколько раз оставалась ночевать прямо на диване в гостиной, потому что Нине становилось страшно. Мать никогда не признавалась в страхе открыто. Просто примерно в одиннадцать вечера спрашивала: «Ты сегодня очень занята утром?» — и Вера понимала, что уехать нельзя.

— Конец апреля, — повторила она.

Роман молчал.

— Мы тогда ездили в больницу на обследование.

— Вер...

— Двадцать седьмого. Я помню, потому что мама ещё ругалась, что пропустит какую-то передачу. Потом её положили на три дня.

Роман посмотрел в стол.

— Возможно.

— Возможно?

— Я не помню даты болезни Нины так же хорошо, как ты.

— А дату первой ночи с Полиной?

Он резко поднял глаза.

— Зачем ты это делаешь?

— Что именно?

— Выстраиваешь календарь.

— Потому что ты только что сказал, что наш брак умер раньше твоей измены. Я хочу посмотреть на труп.

Эта фраза заставила его замолчать.

Вера встала из-за стола. Сидеть вдруг стало невозможно. Она прошла к холодильнику, открыла его, хотя ничего оттуда не требовалось, посмотрела на продукты и снова закрыла. Потом подошла к окну. Во дворе женщина в красной куртке гуляла с маленькой белой собакой. Собака остановилась возле дерева, женщина ждала, рассматривая телефон. В мире всё было настолько спокойно, что Вере захотелось ударить ладонью по стеклу, просто чтобы хоть что-нибудь изменилось.

— Первый раз когда? — спросила она, не оборачиваясь.

За спиной Роман тяжело вздохнул.

— Я не хочу обсуждать подробности.

— Не подробности. Дату.

— Какая тебе от этого польза?

— Никакой. Назови.

— Я сказал — конец апреля.

— Где?

— Это уже подробности.

Вера повернулась.

— Роман.

Он посмотрел на неё, и в его лице наконец появилось настоящее раздражение.

— В гостинице после съёмок. Довольна?

— Нет. Как называлась?

— Ты издеваешься?

— Нет. Мне интересно, может быть, я в тот день ещё тебе звонила.

Роман встал.

— Хватит.

— Почему?

— Потому что это уже болезненное самокопание. Ты пытаешься сделать себе хуже.

Вера посмотрела на него почти с удивлением.

— Вот даже как.

— Да.

— Как заботливо.

— Вера, я не твой враг.

— Пока плохо получается.

Роман отошёл к кухонному островку и упёрся ладонями в столешницу. Он стоял спиной к ней. Вера заметила складку на его рубашке и внезапно вспомнила ночь двадцать восьмого апреля. Мать тогда впервые не смогла самостоятельно дойти до ванной. Вера подняла её с кровати, обняла за талию и почти несла несколько метров. Нина злилась, ругалась, требовала отпустить её и едва не упала. Позже, уже около часа ночи, когда мать уснула, Вера вышла на кухню и позвонила Роману.

Он не ответил сразу.

Потом перезвонил.

Сказал, что задерживается.

Вера закрыла глаза.

Нет.

Это ещё ничего не доказывало.

— Двадцать восьмого апреля ты где был? — спросила она.

Роман медленно повернулся.

По выражению его лица Вера сразу всё поняла.

Вот теперь пришла боль.

Не громкая. Не та, от которой падают, кричат или хватаются за грудь. Просто внутри живота что-то сжалось в маленький, тяжёлый узел, и Вера вдруг почувствовала себя очень старой.

— Ты помнишь, — сказала она.

Роман не ответил.

— Я звонила тебе из маминой кухни.

— Вера...

— Ты перезвонил около часа спустя.

— Возможно.

— Нет. Не «возможно». Я помню. Мама тогда уснула, а я сидела возле холодильника на полу, потому что боялась её разбудить. Я позвонила тебе и сказала, что мне страшно.

Роман опустил глаза.

— Я помню разговор.

— Где ты был?

Тишина.

Вера почувствовала, как начинают дрожать пальцы.

— Где ты был, Роман?

Он ответил тихо:

— С Полиной.

Несколько секунд Вера не могла произнести ни слова.

В памяти всплыло всё сразу. Холодный кухонный кафель под ногами. Материнский ночник в коридоре. Собственный шёпот, потому что Нина спала в соседней комнате. Роман тогда говорил спокойным голосом. Спросил, вызвать ли врача. Сказал, что утром обязательно придет. Потом добавил: «Поспи хоть немного, ты себя так угробишь». Вера ещё удивилась, почему у него такой глухой голос. Решила, что устал.

Он был с Полиной.

— Ты разговаривал со мной от неё? — спросила Вера.

— Не из квартиры.

Откуда?

— Я вышел.

Она прижала пальцы ко лбу.

Даже эта маленькая деталь была чудовищной. Роман вышел куда—то — в гостиничный коридор, на балкон, на улицу, — чтобы жена не услышала молодую женщину рядом. Потом советовал ей отдохнуть.

— А утром приехал к маме, — сказала Вера.

Роман молчал.

— Ты принёс круассаны.

Он поднял глаза.

— Да.

— Мама ещё пошутила, что ты хороший зять.

Вера сама не заметила, как засмеялась. Смех был негромкий, но теперь Роман испугался его по—настоящему.

— Вер, пожалуйста.

— Она назвала тебя хорошим зятем, а ты за несколько часов до этого трахал Полину.

— Прекрати.

— Почему?

— Потому что это мерзко.

Вера остановилась.

— Мерзко?

Роман понял ошибку мгновенно.

— Я не это имел в виду.

— Нет, скажи ещё раз.

— Я сказал о том, как ты сейчас говоришь.

— А как мне говорить об этом красиво?

— Я не прошу красиво.

— Может быть, «у вас случилась близость»? Так лучше? Пока я вытирала маме рот после лекарств, у вас случалась близость. Пока я меняла ей постель, потому что она уже почти не вставала, ты снова чувствовал себя мужчиной.

— Хватит! — Роман повысил голос.

Вера замолчала.

Он стоял у кухонного островка тяжело дыша. На виске пульсировала тонкая синяя жилка. Так бывало на съёмках, если кто—нибудь несколько раз подряд повторял одну и ту же ошибку.

— Я не изменял тебе потому, что Нина болела, — произнёс он, стараясь говорить медленнее. — Не переворачивай мои слова.

— Тогда почему ты упомянул её?

— Потому что последний год ты практически исчезла из нашей жизни.

— Она умирала.

— Я знаю!

— Похоже, нет.

— Я тоже её любил, чёрт возьми!

— Тогда особенно удачно выбрал время.

Роман провёл обеими ладонями по лицу.

— Ты хочешь услышать честно? Хорошо. Да, мне было одиноко. Да, я понимал, почему ты всё время рядом с ней. Да, я не имел права требовать, чтобы ты бросила больную мать и развлекала меня дома. Я ничего этого не требовал. Но от того, что причина была уважительной, мне не становилось менее одиноко.

Вера смотрела на него.

— Ты сейчас действительно это сказал.

— Да.

— Значит, пока я была рядом с умирающей мамой, тебе не хватало внимания.

— Это упрощение.

— В отличие от твоей измены, которая, разумеется, очень сложная.

— Ты не хочешь понимать.

— Нет, Роман. Я слишком хорошо поняла.

Он сел обратно, будто ноги устали держать.

— Полина не возникла потому, что я решил найти молодую женщину на замену. Мы много работали вместе. Разговаривали. Она слушала меня. Ей было интересно то, что я делаю.

Вера почувствовала новое, почти болезненное любопытство.

— А мне не было?

— Когда—то было.

— Когда—то.

— Не делай вид, что последние годы ты жила моими фильмами.

— Я никогда ими не жила.

— Вот именно.

— А должна была?

Роман помолчал.

— Нет.

— Тогда что ты сейчас мне предъявляешь?

— Ничего я не предъявляю.

— Ты только что сказал, что Полина слушала тебя.

— Потому что это правда.

— Я тоже слушала. Двадцать девять лет. Я слушала про каждого актёра, который тебя бесил, про каждую сцену, которую ты не мог снять, про каждый фестиваль, где тебе неправильно дали зал, про каждого идиота—продюсера и каждого критика, который не понял твой великий замысел. Я читала сценарии, когда Соня была маленькая и просыпалась каждые два часа. Я ездила с тобой на премьеры после собственных занятий, потому что ты говорил, что тебе спокойнее, когда я в зале. Я слушала тебя после провалов и после успехов. Просто последние три месяца жизни моей матери я не могла слушать тебя круглые сутки.

Роман опустил голову.

— Я не говорил «круглые сутки».

— Нет. Ты просто нашёл человека, который мог.

— Это произошло не так.

— А как?

— Постепенно.

Вера неожиданно кивнула.

— Конечно. Самые мерзкие вещи обычно именно так и происходят. Никто не просыпается утром с мыслью: сегодня предам жену. Сначала просто разговоры после работы. Потом кофе. Потом жалобы на то, что жена стала далёкой. Потом оказывается, что рядом есть молодая женщина, которая видит в тебе великого мужчину, а не человека, забывающего купить молоко.

Роман поднял на неё взгляд.

— Ты намеренно пытаешься меня унижить.

— Нет. Я просто впервые не пытаюсь тебя оправдать.

Несколько минут они молчали. Кофе Романа окончательно остыл. Вера заметила, что он всё равно периодически берёт чашку, делает маленький глоток и морщится, но не идёт готовить новую. Он всегда ненавидел холодный кофе. Сегодня, видимо, это было наименьшей из неприятностей.

— Что ты хочешь делать дальше? — спросил он наконец.

Вера посмотрела на два кольца возле сахарницы.

— Не знаю.

— Нам надо решить хотя бы основные вещи.

— Какие?

Роман чуть оживился, словно получил возможность перейти от неприятной морали к вопросам, которые действительно можно решить.

— Где кто будет жить. Что мы скажем Соне. Как вести себя с прессой, если кто—то узнает. Про фильм тоже надо поговорить отдельно.

— Конечно.

Он услышал иронию, но решил не реагировать.

— Я могу пока пожить в гостинице или в квартире при студии.

— Как тебе удобно.

— Тебе не нужно никуда уезжать.

Вера подняла глаза.

— Что?

— Оставайся здесь.

— Он сказал это мягко. Почти великодушно.

Несколько секунд Вера не понимала, что именно её так задело, а потом разобралась.

— Спасибо.

Роман насторожился.

— За что?

— Что разрешил.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Господи, Вера, не надо искать оскорбление в каждом слове.

— Квартира наша общая.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь, что я могу здесь остаться?

— Потому что я не собираюсь из—за развода устраивать войну за имущество!

Первый раз слово прозвучало вслух.

Развод.

Вера почувствовала его почти физически.

— Значит, развод, — сказала она.

Роман замер.

— Я думаю, да.

— Думаешь?

— Ты после вчерашнего представляешь другой вариант?

Вера посмотрела на него.

— Нет.

Другого варианта она действительно не представляла. Но услышать это от Романа оказалось совсем не так, как решить самой. Ещё вчера утром они были мужем и женой. Теперь он сидел за их кухонным столом, предлагал оставить ей квартиру и обсуждал развод с деловитостью человека, который освобождает дату в календаре.

— Давно решил? — спросила она.

— О чём?

— Развестись.

— Я думал.

— С Полиной?

Он отвёл взгляд.

Этого хватило.

— Понятно.

— Мы обсуждали будущее. Да.

— Моё тоже?

— Вера...

— Где я буду жить, например?

— Нет!

— Она спрашивала?

— Это не её дело.

— Но мой муж оказался её делом.

Роман раздражённо оттолкнул чашку.

— Вот именно такого разговора я и боялся.

— А я вчера боялась, что мама умрёт ещё раз, когда увидела Полину в её платье. У каждого свои проблемы.

Роман помолчал, потом заставил себя продолжить:

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто собираюсь оставить тебя без ничего.

Вера медленно повернула голову.

— Без ничего?

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Нет.

— Дом, счета, всё, что у нас есть. Я не буду устраивать грязный раздел.

— Как благородно.

— Прекрати.

— Ты хочешь вручить мне половину моей собственной жизни как прощальный подарок?

— Я хочу поступить по—человечески.

— Начинать надо было в апреле.

Роман сжал зубы так сильно, что на скулах выступили желваки.

— Хорошо. Если тебе легче считать меня последним ублюдком, считай.

— Ты опять помогаешь мне с чувствами.

— Я просто не понимаю, чего ты хочешь от меня сейчас!

Вера задумалась.

И действительно не знала.

Раскаяния? Возможно. Но если Роман сейчас упадёт на колени и начнёт плакать, исчезнет ли ночь, когда она сидела на полу кухни у матери и звонила ему, пока он был с Полиной? Нет.

Признания, что он подонок? Это было бы приятно минуты две.

Просьбы простить? Она не хотела её слышать.

— Правды, — сказала Вера. — Наверное, хотя бы её.

Роман посмотрел на неё устало.

— Я тебе говорю правду.

— Тогда не объясняй, почему имел право. Просто говори, что сделал.

Он помолчал.

— Я изменил тебе.

— Да.

— У меня отношения с Полиной.

— Да.

— Я люблю её.

Вот теперь Вера вздрогнула.

Это слово оказалось неожиданным.

Не «отношения». Не «связь». Не «мы сблизились».

Люблю.

Она посмотрела на Романа и поняла, что он впервые за весь разговор действительно волнуется. Пальцы лежали на столе неуверенно, взгляд больше не был режиссёрским. Возможно, именно эту часть он считал самой важной.

— Любишь, — повторила Вера.

— Да.

— Давно?

— Я не знаю, когда это стало любовью.

Вера кивнула.

— А меня?

Роман закрыл глаза.

— Ответ пришёл раньше слов.

— Я тебя люблю по—другому.

Вера рассмеялась тихо и горько.

— Какая удобная формулировка.

— Но это правда.

— Конечно. Меня любят по—родственному, её — как женщину. Ты ведь это хотел сказать?

— Примерно.

— Отлично.

Он поморщился.

— Ты смеёшься, но в этом нет ничего смешного.

— Мне пятьдесят пять, Роман. Если сейчас не смеяться, придётся швырнуть в тебя кофейник.

Он бросил быстрый взгляд на кофейник.

Вера это заметила и впервые за утро улыбнулась почти искренне.

— Не бойся. Мама учила меня уважать посуду.

Небольшая пауза каким—то образом сняла остроту разговора, но ненадолго. Роман снова сел ровнее.

— Я хочу попросить тебя об одной вещи.

Вера откинулась на спинку стула.

— Началось.

— Это важно.

— Для кого?

— Для всех нас.

— Тогда особенно интересно.

Он пропустил насмешку.

— Пока не говори никому о Полине.

Вера даже не удивилась.

— Почему?

— Потому что проект уже в работе. Если сейчас история выйдет наружу, все разговоры будут не о Нине и не о фильме. Будет дешёвый скандал: режиссёр бросил жену ради молодой актрисы и дал ей главную роль.

— А что в этом неправда?

Роман прикрыл глаза.

— Вот поэтому я и прошу.

— Потому что правда звучит плохо?

— Потому что она звучит примитивно.

— Бедная правда. Ей опять не хватает художественной сложности.

— Вера, прошу тебя.

— Нет.

Роман напрягся.

— Подумай хотя бы.

— Я уже подумала.

— Ты хочешь уничтожить фильм?

— Я пока вообще не думаю о твоём фильме.

— А придётся.

— Почему?

— Потому что это фильм о твоей матери.

Вера почувствовала, как внутри снова поднимается холод.

— Вот именно.

Роман сразу понял, что выбрал не тот аргумент.

— Я имею в виду, что скандал ударит и по её имени.

— Нет. По её имени ударило то, что ты привёл любовницу в её квартиру и одел в её платье.

— Никто об этом не знает.

— Пока.

Роман посмотрел на неё жёстко.

— Ты собираешься рассказать?

— Не знаю.

— Вера.

— Что?

— Не делай этого на эмоциях.

— Ещё один приказ.

— Это просьба.

— Плохая.

Он замолчал. Потом заговорил мягче:

— Дай мне хотя бы несколько недель. Мы спокойно объявим, что расходимся. Без грязи. Без взаимных обвинений. Мы прожили вместе почти тридцать лет, неужели это ничего не значит?

Вот теперь Вера почувствовала настоящий гнев.

Он поднимался медленно, без прежней боли. Пожалуй, поэтому оказался гораздо опаснее.

— Значит.

— Тогда...

— Именно поэтому я не понимаю, почему ты вспоминаешь эти тридцать лет только сейчас, когда они могут пригодиться тебе для фильма.

— Это несправедливо.

— Возможно.

— Я не хочу превращать нашу жизнь в публичное побоище.

— А я хочу?

— Не знаю. Вчера ты была готова...

— Что я была готова вчера?

Роман остановился.

— Ничего.

— Нет, скажи.

— Ты была очень зла.

— И?

— Я не знаю, что ты можешь сделать в таком состоянии.

Вера медленно поднялась.

Теперь она видела всё.

Не только измену.

Не только Полину.

Роман приехал сюда не затем, чтобы попросить прощения или хотя бы признать, что разрушил их брак. Он приехал вернуть управление. Его беспокоило, что Вера может рассказать правду, забрать архив, отказаться помогать фильму, испортить правильно подготовленное расставание. Даже предложение оставить ей квартиру было частью того же разговора: будь разумной, получишь спокойную жизнь, не разрушай то, что для меня важно.

Вера подошла к столу и взяла своё кольцо.

Роман следил за её рукой.

Она надела кольцо на палец.

Он удивился.

Потом Вера сняла его снова.

Медленно.

Последний раз.

Положила на ладонь, ощутила знакомый вес и вдруг вспомнила день их свадьбы. Маленький зал, мать в тёмно-синем платье, Роман с длинными тогда ещё волосами, Соня появится только через год. Они стояли друг напротив друга и смеялись, потому что Роман дважды перепутал нужный палец, когда надевал кольцо. Нина потом сказала, что мужчина, который даже кольцо не способен надеть правильно, наверняка станет ужасным мужем. Все смеялись.

Он не был ужасным мужем.

Вот в чём заключалась самая подлая часть происходящего.

Много лет он был хорошим.

Вера помнила это и не собиралась лгать самой себе ради удобной ненависти.

Но хорошее прошлое не имело права требовать от неё плохого будущего.

Она положила кольцо рядом с его кольцом.

— Собери вещи, — сказала Вера.

Роман нахмурился.

— Какие?

— На первое время. Одежду, лекарства, ноутбук, всё, что тебе нужно.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Вера, мы можем не делать резких движений.

— Можем. Но я хочу сделать.

— Это и мой дом.

— Я знаю.

— Тогда ты не можешь просто выставить меня.

— Не могу. Поэтому я неставляю. Я прошу тебя жить отдельно, пока мы не разберёмся со всем остальным.

Роман посмотрел на неё, и Вера заметила, что он по—настоящему обижен.

Именно обижен.

Будто она нарушила некий негласный договор, согласно которому после его признаний должна была расплакаться, выслушать объяснения, попросить время, но никак не начать принимать практические решения сама.

— Ты даже не хочешь попробовать ничего сохранить? — спросил он.

Вера почувствовала почти физическую усталость от этого вопроса.

— Что?

— Нас.

— Ты любишь Полину.

— Я говорю не об этом.

— А о чём?

— Тридцать лет нельзя просто выбросить за сутки.

— Я их не выбрасываю.

— Выглядит именно так.

— Тридцать лет уже прожиты, Роман. Они никуда не денутся. Ты был моим мужем, мы растили дочь, хоронили родителей, жили здесь, ездили куда—то, ругались, мирились. Всё это было. Но я не обязана добавлять к этим тридцати годам ещё десять или двадцать только потому, что прошлое получилось длинным.

Роман смотрел на неё молча.

— Ты сейчас в шоке, — сказал он наконец.

Вера усмехнулась.

— Очень удобная болезнь. Можно не воспринимать мои слова всерьёз.

— Я не это...

— Знаю. Ты никогда не это имеешь в виду.

Он встал.

— Хорошо.

Вера ожидала продолжения, но Роман просто вышел с кухни. Через несколько секунд послышались его шаги в спальне, затем открылась дверца шкафа. Она осталась одна.

Странно, но теперь ей стало страшнее, чем во время разговора.

Роман действительно собирал вещи.

До этого всё ещё можно было представить бесконечной ссорой. Сейчас открывались ящики, двигались вешалки, закрывались молнии дорожной сумки, и каждый звук превращал произошедшее в материальную реальность. Муж уезжал из их общего дома не на съёмки, не в командировку и не к больному родственнику. Он собирал одежду потому, что спал с другой женщиной и сказал жене, что любит её.

Вера села обратно.

На столе лежали два кольца.

Она взяла сахарницу и переставила её дальше, чтобы кольца не касались.

Через двадцать минут Роман вернулся с тёмной дорожной сумкой. На плече висел портплед. В другой руке он держал ноутбук и маленькую сумку с документами. Выглядело всё удивительно буднично, словно он отправлялся на фестиваль на три дня.

— Остальное потом, — сказал он.

— Хорошо.

— Я останавлиюсь пока в квартире при студии.

Вера кивнула.

— Как хочешь.

Роман поставил сумку возле двери и вернулся на кухню. Он посмотрел на собственное кольцо, лежавшее возле сахарницы, потом взял его.

Несколько секунд держал между пальцами.

Потом положил в карман.

Вера наблюдала.

— Соне я скажу сам, — произнёс он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что она моя дочь тоже.

— Я не собираюсь тебя очернять.

— Какое счастье.

— Вера.

— Мы поговорим с ней вместе.

Роман покачал головой.

— В таком состоянии это плохая идея.

— В каком?

— Ты всё ещё очень зла.

— А ты всё ещё очень виноват. Получается, никто не подходит.

Он снова сжал челюсти.

— Я не хочу, чтобы Соня оказалась между нами.

— Тогда не ставь её туда.

— Именно поэтому я и хочу сначала поговорить один.

— Вера посмотрела на него.

Теперь она понимала.

Роман хотел быть первым.

Первым объяснить дочери, что родители давно отдалились. Что отец поступил неправильно, но жизнь сложнее. Что Полина появилась уже в почти мёртвом браке. Что мама сейчас потрясена и может говорить слишком резко.

Он ещё ничего этого не произнёс, но Вера уже слышала его будущий рассказ.

— Нет, — повторила она.

Роман нахмурился.

— Ты не можешь запретить мне говорить с собственной дочерью.

— Не могу.

— Тогда о чём мы спорим?

— Ни о чём.

Он понял, что Вера больше не будет обсуждать.

Роман надел пальто. Уже в прихожей остановился возле зеркала, машинально поправил воротник и вдруг замер. Обычно это делала Вера. Она стояла в нескольких шагах и видела, как его пальцы сами разглаживают ткань.

Несколько секунд они смотрели друг на друга через отражение.

— Я не хотел, чтобы всё получилось так, — сказал Роман.

Вера прислонилась плечом к стене.

— А как хотел?

— Спокойно.

— То есть я должна была согласиться.

— Нет.

— А что значит спокойно?

Он устало вздохнул.

— Без ненависти.

Вера подумала.

— Я тебя не ненавижу.

Роман посмотрел на неё с явным недоверием.

— Правда.

— Тогда что ты чувствуешь?

Вера не сразу нашла ответ.

— Пока не знаю.

Он кивнул, будто это показалось ему хорошим знаком.

— Думаю, когда пройдёт первый шок...

Вера невольно улыбнулась.

Вот он.

Настоящий Роман.

Человек, который знал, как будет развиваться её собственное чувство дальше.

Когда пройдёт шок, Вера успокоится.

Когда успокоится, вспомнит хорошее.

Когда вспомнит хорошее, начнёт разговаривать разумно.

Потом согласится не устраивать скандал.

Потом, возможно, даст фотографии.

Потом объяснит Полине, как Нина курила, смеялась и двигала руками.

Роман знал её тридцать лет и потому был абсолютно уверен, что в конце концов Вера снова сделает то, что делала всегда: возьмёт случившийся беспорядок и приведёт его в человеческий вид.

— Что? — спросил он, заметив улыбку.

— Ничего.

— Я позвоню вечером.

— Не надо.

Он нахмурился.

— Почему?

— Я не хочу сегодня с тобой разговаривать.

— Хорошо. Завтра.

— Посмотрим.

Роман взял сумку.

— И всё—таки подумай о фильме. Я не прошу сейчас ничего решать. Просто не делай ничего резко, ладно? Там работает много людей, которые вообще не имеют отношения к тому, что произошло между нами.

Вера смотрела на него несколько секунд.

Даже у двери.

Даже с дорожной сумкой в руке.

Фильм всё равно оставался с ним.

— Уходи, Роман.

— Я просто попросил.

— Я услышала.

Он понял, что продолжать бесполезно. Открыл дверь и вышел.

Вера не закрыла её сразу.

Роман дошёл до лифта, нажал кнопку и поставил сумку на пол. Они находились всего в нескольких метрах друг от друга, но это расстояние уже казалось больше, чем всё, что разделяло их за предыдущие тридцать лет.

Лифт приехал.

Перед тем как войти, Роман обернулся.

— Ты всё равно успокоишься, Вер, — сказал он тихо, без насмешки и даже без раздражения. — Не сегодня. Я понимаю. Но потом мы поговорим нормально.

Вера ничего не ответила.

Двери лифта закрылись.

Она постояла ещё немного, потом заперла входную дверь и вернулась на кухню.

Там осталась его чашка с холодным кофе. На блюде лежала ложка. На столе был едва заметный круг от мокрого дна чашки, а возле сахарницы лежало только одно кольцо — её собственное.

Вера взяла чашку Романа и вылила кофе в раковину.

Потом вымыла её.

Вытерла полотенцем.

Открыла шкаф и поставила синюю чашку на самую верхнюю полку, туда, где хранилась посуда, которой почти никогда не пользовались. Раньше она стояла внизу, справа, чтобы Роману было удобно доставать её каждое утро.

Теперь удобство Романа перестало быть частью кухонного порядка.

Вера закрыла дверцу шкафа и только после этого взяла со стола своё кольцо. На этот раз она не пыталась надеть его. Отнесла в спальню, открыла маленькую деревянную шкатулку, где хранились серьги, цепочки и несколько старых вещей Нины, положила кольцо внутрь и захлопнула крышку.

В зеркале напротив отражалась их кровать.

Половина Романа была аккуратно застелена.

Вера подошла и одним резким движением сняла его подушку. Наволочку бросила в корзину для белья, а саму подушку отнесла в гостевую комнату. Там, возле двери, всё ещё висел длинный чехол с серебристым платьем матери.

Она остановилась перед ним.

Вчера Роман привёл Полину в квартиру Нины.

Сегодня объяснил, что начал изменять Вере в те месяцы, когда она почти ежедневно сидела возле умирающей матери.

А через несколько минут после этого снова попросил подумать о фильме.

Вера медленно провела ладонью по чехлу.

— Ну что, мам, — произнесла она тихо, чувствуя, как голос начинает дрожать. — Кажется, ты всё—таки была права насчёт режиссёров.

Она впервые за эти сутки заплакала по—настоящему.

Не красиво и не тихо, как плачут женщины в фильмах Романа. Вера села прямо на край гостевой кровати, закрыла лицо руками и долго не могла остановиться. Перед глазами снова возникала кухня Нины в конце апреля. Холодный пол. Ночник. Голос Романа в телефоне: «Поспи хоть немного, ты себя так угробишь». А где—то рядом с ним тогда находилась Полина.

Самое страшное заключалось даже не в том, что он солгал.

Самое страшное заключалось в том, что Вера ему поверила.

И утром, когда Роман приехал с круассанами, она ещё благодарила его за заботу.

За дверью гостевой комнаты тихо висело платье Нины. В квартире больше никто не разговаривал, не работал телевизор и не шумела вода. Вера сидела одна среди дома, который ещё вчера считала их общим, и постепенно понимала: Роман ошибся только в одном.

Она действительно когда—нибудь успокоится.

Но вовсе не для того, чтобы снова сделать ему удобно.

Глава 3. Папа уже всё объяснил

Соня позвонила через сорок минут после того, как за Романом закрылась дверь. К этому времени Вера успела снять наволочку с его подушки, отнести её в корзину для белья, расплакаться в гостевой комнате рядом с серебристым платьем Нины и кое-как привести лицо в порядок холодной водой. Она как раз стояла перед зеркалом в ванной, промокая полотенцем опухшую кожу под глазами, когда телефон завибрировал на стиральной машине. Имя дочери высветилось крупными белыми буквами, и Вера несколько секунд просто смотрела на экран, уже понимая, что произошло. Соня редко звонила посреди рабочего дня без предварительного сообщения, а сегодня утром разговаривала совершенно спокойно и ничего не знала. Значит, Роман не успел доехать до своей студийной квартиры и уже сделал то, о чём они спорили на кухне. Даже отсюда, из ванной, Вера почти видела его: дорожная сумка в багажнике, телефон в руке, спокойный голос человека, который знает, что сложную ситуацию необходимо правильно изложить прежде, чем она начнёт жить собственной жизнью.

Вера взяла телефон и отве

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.